

Н. Н. ЛЫСЕНКО

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КАЗАКОВЕДЕНИЯ: ТЕРМИНЫ И СМЫСЛЫ

Философ Р. Декарт не зря утверждал в свое время, что если «определиться в терминах — половина человеческих споров исчезнет». Однако, невзирая на то, что со времен Декарта прошло уже немало времени, споры о значении терминологии, равно как и научные баталии, происходящие вокруг применения тех или иных таксонов, отнюдь не утихают. Историография казачества России не избежала подобной же участи, и, как верно отмечается многими специалистами, ситуация в этой отрасли исторической науки, увы, весьма далека от терминологического консенсуса. В настоящей статье автор делает попытку конспективно изложить формулировки и смыслы таксонов,

составляющих основной круг понятий, применяемых в истории и этнологии казачества. Ввиду относительно небольшого объема статьи мы опускаем для всех означенных здесь терминов детальную аргументацию. Единственное исключение сделано для термина «рассказывание» — ключевого для постижения огромного, очень трагического пласта казацкой этнополитической истории, начавшегося после Февральского переворота 1917 года и, по существу, не прекратившегося до настоящего времени.

Казаки, казацкий народ — этносоциальное сообщество восточных славян, обладавшее до середины 30-х годов XX века консолидированным в этническом аспекте генофондом и уникальной национальной спецификой. Правомерно считать это сообщество самобытным казацким этносом, имеющим свои субэтнические уровни — казаки Донского, Уральского, Терского и Кубанского казацких войск. Остальные семь войск Российской империи, сохранившиеся к 1917 году (Амурское, Астраханское, Забайкальское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уссурийское), имели, по-видимому, более верифицированный генофонд и отличались значительной степенью русификации. Тем не менее в событиях революции и Гражданской войны в России все семь вышеупомянутых войск действовали в основном в русле общеказацкого этнополитического потока.

Важно подчеркнуть, что к началу XX века казаки сохранили свои коренные культурные, социальные и ментально-психологические отличия от великорусских и украинских соседей. В настоящее время самоидентификация казацкого народа опирается на этноним «казаки», сохраненную национальную память и попытки восстановить популяционную основу этноса на основе возрождаемого института мононациональной казацкой семьи.

Казаковедение — историографический неологизм, появившийся в научных штудиях по истории и этнологии казачества в начале 2000-х годов. Впервые данный термин был предложен научной общественности руководителем исследовательского проекта «Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура» кандидатом исторических наук Г. С. Зайцевым в 2008-2009 годах [1]. Смысловый контент термина «казачество» ориентирован на разработку самостоятельного научно-направления в историографии России, посвященного истории, культуре и этнополитике российского казачества. Производный таксон от этого термина — «ученые-казачеведы» — впервые зафиксирован в 2011 году в Положении о научном Координационном Совете по изучению истории и культуры казачества Урало-Сибирского региона при Институте гуманитарных исследований ТюмГУ [2]. Начиная с 2011 года данный научный Координационный Совет (председатель — кандидат юридических наук В. И. Степанченко) организовал в Сибири шесть крупных казаче-

ведческих научных конференций, которые всякий раз собирали весьма авторитетное (в том числе международное) научное представительство.

Этнический казак — представитель казацкого народа, обладающий в личном геноме существенной частью генетического кода исторического казацкого этноса, осуществляющий личную национальную идентификацию только на основе этнонима «казак» и сохраняющий живое чувство персональной сопричастности к исторической судьбе народа казаков.

Американский исследователь Г. Нейдель в 1947 году впервые высказал верную, как признается сегодня большинством этнологов, мысль о том, что в ситуациях взаимопроникающей этнолингвистической мозаики, при территориальной «чересполосице» относительно близких этнических культур наименее двусмысленным, а иногда и единственным реальным критерием в определении того, где кончается одна этническая общность и начинается другая, является самоидентификация народа, опирающаяся на этноним. Нейдель подчеркивал в этой связи: «Культура и даже язык не могут предоставить безошибочный критерий племенной принадлежности, ибо культура и язык допускают степени и оттенки единообразия или различия, в то время как представление о принадлежности к племени [т. е. этническое самосознание. — *Н. Л.*] имеет тенденцию к более резкой кристаллизации — некто либо является членом племени, либо нет» [3].

Казацкое сословие — особое военное сословие Российской империи, сформированное на основе этнических казаков-славян и обладавшее социальными привилегиями за несение обязательной, фактически пожизненной военной службы. В состав казацкого сословия могли входить представители инациональных этнических групп (славянского и неславянского происхождения), которые приобретали в этом случае статус приписных казаков.

Приписные казаки — представители инациональных этнических групп, отличающиеся по генетике и культуре от казацкого народа, но включенные (поверстанные) на временной или постоянной основе в казацкое воинское сословие. Численность приписных казаков в составе Донского, Уральского, Терского и Кубанского войск всегда была весьма незначительной. Например, в Войске Донском существовала этнически отличная от казаков-славян группа «донских татар», преимущественно ногайского происхождения, численностью около 5 тысяч человек (вместе с женщинами и детьми) [4]. В этом же войске в состав приписных казаков входили донские калмыки — их общее число по данным переписи населения 1897 года составляло 27,2 тысячи человек.

Известный татарстанский этнолог Ф. М. Ибятов в одной из своих статей о казачестве провел основательный анализ популярного в официаль-

ных кругах Российской Федерации тезиса о «полиэтничности» казаков. «В реальной истории никакой полиэтничности казачества не было, — подчеркивает Ф. М. Ибятков. — Было административное «верстание» в казаки инонациональных людей, этническая сущность и этническое самосознание которых от этого действия не менялись. Термин «полиэтничность казачества» придумали современные историки... <...> Вместо «полиэтничности» существовало достаточно замкнутое этносоциальное сообщество казаков, обладавшее на рубеже XX века развитой этнической спецификой. Это сообщество было сформировано исключительно славянами» [5].

Субэтнос — социокультурная общность, обладающая исторически устойчивым своеобразием региональной культуры, языка и определенным самосознанием. Одновременно субэтнос является органичным элементом общей структуры данного этноса [6]. Характерным примером субэтносов в составе казачьего этноса являются донские и уральские казаки, а также казаки Черноморского войска (переселенные в 1788 году на Кубань запорожские казаки — потомки вольного Запорожского низового войска).

Казачий Присуд — территориальное этнополитическое пространство казачьего народа, священные земли казаков, издавна завоеванные и заселенные их пращурами. В этом смысле к землям Казачьего Присуда следует относить полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении с запада на восток — от бассейна реки Днепр до бассейна реки Яик (Урал) и гор Алтая включительно.

Реестровое казачество России — объединение граждан Российской Федерации, действующее на основании Указа Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (1995), Указа «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (1996). В составе реестрового казачества России присутствуют как этнические казаки, так и в значительном числе приписные казаки — граждане других национальностей (в основном великорусы), имеющие в большинстве случаев только самое поверхностное представление об истории, этнической культуре и национальной памяти казачьего народа.

Казачество — сложный, многоплановый этнополитический и социокультурный феномен истории Евразии. Казачество, имевшее в своей основе этносоциальный стержень казачьего народа, существовало в контексте мировой истории в форме отдельных сообществ, различающихся в некоторых случаях по целям, задачам, идеологическим и геополитическим установкам. История казачества не является достоянием одной лишь российской истории или производным ответвлением от этнической истории русского народа. В историческом аспекте казачество является этнополитически са-

модостаточным и культурологически самоценным феноменом, поскольку могло существовать, сохраняя все свои основные отличительные черты, на территории разных стран, в очень разнящихся политических и географических условиях. В настоящее время феномен казачества охватывает самые различные, подчас даже антагонистические этнополитические и социокультурные тенденции, отражающие процессы этнического самовосстановления казачьего народа и одновременные попытки организации интернационального реестрового казачества Российской Федерации.

Одним из наиболее амбивалентных таксонов казачеведения — при кажущейся абсолютной ясности — является термин «рассказачивание». Закономерно получивший в историографии весьма негативный оттенок этот термин во многих случаях не проясняет, а, наоборот, затемняет, даже искажает действительный смысл важнейших фактов казачьей этнополитической истории.

Существует мнение, что автором термина «рассказачивание» является председатель Революционного военного совета РСФСР Лев Троцкий. В январе 1919 года на совещании сотрудников политотделов 8-й и 9-й армий Южного фронта Троцкий четко артикулировал стратегический курс большевиков на «рассказачивание»: «Казачество — это класс, который избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 года. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как таковое, рассказачить казачество — вот наш лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области. Только так мы можем утвердиться здесь...» [7]. Очевидно, что Троцкий озвучил будущий план геноцида казачьего населения Советской России, но никак не процесс рассказачивания — процесс лишения определенной группы населения ее сословных преимуществ. В действительности же термин «рассказачивание» — причем исключительно в социальном смысле — стал использоваться в политическом лексиконе России сразу же после революции 1905 года. В депутатских кругах уже первого созыва Государственной думы Российской империи (1906) этот термин применялся весьма широко.

При первой попытке использования термина «рассказачивание» возникает неизбежный вопрос: что означает «рассказачить» казака? Лишить конкретного индивидуума его сословных прав и обязанностей? Или лишить его права именоваться «казаком», затруднить создание мононациональной казачьей семьи, депортировать из родной станицы в крайне неблагоприятные для проживания регионы страны, запретить развивать национальную культуру? Если справедливо второе, то такое «рассказачивание» правильнее, — поскольку намного точнее, — именовать «этноцидом». А если речь

идет о лишении казацкого сообщества его сословных обязанностей и «привилегий», то уже на рубеже XX столетия для подавляющего большинства станичников этот процесс стал бы, наверное, не бедой, а благом. К началу революции 1917 года интеллектуально развитая часть казачества в полной мере осознавала, что так называемые «привилегии казачества», якобы милостиво дарованные им российскими самодержцами, с самого первого дня их «дарования» были не чем иным, как фикцией.

Доктор исторических наук Наталья Великая на обширном фактическом материале убедительно показала, насколько тяжелым, в каких-то аспектах даже невыносимым, стало к началу XX века социальное положение казаков Терского войска [8]. Исследователь приходит к выводу, что начиная с XVIII века постоянно возрастали государственные обязанности терских казаков, но при этом синхронно ликвидировались их исконные права и свободы. Имперской законодательной практикой вводилось административное принуждение, обязательное прикрепление к месту жительства, жестко ограничивались право на владение частной собственностью, свобода выбора занятий и т. д. «Многочисленные обязанности, — констатирует Н. Н. Великая, — которые постоянно возлагались на терское казачество, позволяют утверждать, что исторически оно эволюционировало в сторону непривилегированных сословий, и лишь сопротивление казачества, принимавшее различные формы — от подачи прошений до побегов за рубеж, и Великие реформы Александра II не позволили этому процессу окончательно завершиться». Социально-экономическая ситуация в других казачьих войсках империи была, в сущности, такой же. Осознание факта, что административное давление государственной системы Российской империи на казацкое сообщество превышает все разумные пределы, имелось уже на рубеже XX века. Анализ постоянной, гужевой, дорожной, паромной и других как натуральных, так и денежных повинностей, налагаемых государством на казаков, привел историографа XIX века, этнического казака И. Д. Попко к выводу, что повинностей у казаков «гораздо больше, чем в каком бы то ни было гражданском сословии или обществе» [9].

Итак, к 1917 году социально-экономическое наполнение сословного статуса «казак» трудно было признать, с казацкой точки зрения, удовлетворительным. Экономическое обеспечение этого статуса являлось, по большому счету, иллюзорным. Все особые права казаков в области землевладения и землепользования осуществлялись исключительно на их же родовой земле. Конечно, можно считать «привилегией» факт законодательно гарантированного получения каждым казаком мужского пола индивидуального земельного надела (пая). Однако при этом не

следует забывать, что Российская империя гарантировала передачу казакам казацкой же земли, неотъемлемое право на общенародное владение которой самодержавие Романовых отняло у казаков силой оружия — последовательно разгромив все попытки казаков отстаивать свой собственный путь развития.

Отметим вместе с тем, что правами в области землевладения не исчерпывались особые сословные права казаков. К ним относились также — освобождение казаков от уплаты прямых государственных, в том числе и поземельных, налогов и подушной подати, а также земского сбора. Во время нахождения казаков на военной службе они освобождались от всех личных денежных и натуральных повинностей. Впрочем, последнее «дарованное право» являлось абсолютно декларативным: находясь на службе, казак мог добыть деньги для каких-то выплат государству, только занимаясь грабежом или мародерством, — что вряд ли соответствовало интересам армейского командования.

Как соответствовали уровню весьма эфемерных социально-экономических «привилегий» основные (военные) обязанности казацкого населения перед Российской империей? К сожалению, практически никак — издержки 20-летней службы казаков (и это в начале техногенного XX века!) настолько далеко перекрывали «дарованные» права, что реальная польза последних, при объективном сопоставлении, кажется весьма сомнительной.

В 1901 году все нормативные документы о воинских обязанностях казаков были сведены в единый общероссийский свод «Законы о воинской повинности казачьих войск» [10]. Анализ этого свода, проведенный одним из ведущих российских казачеведов, показывает, что военная система Российского государства удивительно цепко держала в своей орбите всех казаков-мужчин самого лучшего репродуктивного возраста [11]. В соответствии с законодательством империи, казаки всех войск, кроме Уральского, обязывались нести военную службу в течение 20 лет. Уральские казаки служили 22 года. Весь период службы казаков был разбит на три разряда. В первом, подготовительном, казаки служили 3 года, из них последний, 3-й год они находились в специальных тренировочных военных лагерях. После этого переходили в следующий, строевой разряд, служба в котором продолжалась в течение 12 лет. Этот разряд подразделялся на три очереди, по четыре года в каждой. По истечении 12 лет службы в строевом разряде казаки переводились в запасной разряд, в котором числились еще 5 лет. Только после этого, когда завершался цикл 20-летней службы, казаки выходили в полную отставку и могли призываться в армию лишь во время войны — в ополчение.

Если принять во внимание, что молодой казак впервые призывался к присяге в 19 лет, становится понятным, что лучшую часть своей жизни — в плане физического здоровья и репродуктивной энергетики — казаки проводили в походных лагерях и казармах. «Барщина кровью», которую казацкий народ отдавал Российской империи на протяжении без малого трех веков, наложила неизгладимый отпечаток на быт, национальные традиции, семейный строй и даже на менталитет казаков.

Воинская служба финансово иссушала значительное число казачьих семей, особенно те фамилии, в которых родилось подряд несколько сыновей-погодков. Никакие земельные пай, полученные на сыновей от «щедрот» российского царя, были не в состоянии компенсировать главе семейства те огромные для трудового человека деньги, которые безвозвратно нужно было несколько лет подряд изымать из бюджета семьи, чтобы достойно — с казацкой честью и по закону — проводить сыновей в службу.

Атаман одной из донских станиц, вахмистр Иван Афонин, уже находясь в эмиграции, подсчитал, что накануне Первой мировой войны для исправного выхода в службу донскому казаку требовалось затратить около 307 рублей [12]. По данным советского историка Г. В. Пожидаевой, начало боевых действий Первой мировой войны вызвало скачок цен на лошадей и походное снаряжение, в результате чего выход в службу стал обходиться казаку Оренбургского войска в 350-400 рублей [13]. Более дорогая «справа» кубанских казаков (в нее, помимо парадной черкески, входил еще и кинжал) стоила накануне 1914 года около 500 рублей [14]. По мнению историка Л. И. Футорянского, затраты на исполнение своей воинской повинности ежегодно требовали от донских и оренбургских казаков примерно половину средств, получаемых с пая середняцкого хозяйства [15]. Как видим, доля «защитника Царствующего Дома Романовых» обходилась простому станичнику весьма недешево.

Даже фрагментарный анализ серьезнейших проблем, с которыми столкнулось казачье сообщество в середине второго десятилетия XX века, убедительно доказывает, что процесс подлинного «рассказачивания» — т. е. ликвидации сословных прав и государственных обременений казачьего населения России — давно назрел. С учетом социально-политических итогов Великой войны 1914-1918 годов, абсолютно провальных для империи Романовых, «рассказачивание» казачьего сословия фактически не имело альтернативы.

«Рассказаченные» казаки — уже в силу высокой этнополитической конкурентоспособности этого народа — отнюдь не потерялись бы среди других этносов России. Демократическая революция в Российской империи и связанное с ней упразднение всех сословий открыли бы,

вероятно, новый шлюз, по которому мог двинуться поток мощных этнических энергий казацкого народа, веками искусственно сдерживаемых бесконечной имперской военщиной. Даже после кровавого хаоса русской революции казаки тем не менее смогли показать: насколько конкурентоспособным оказался бы их «расказаченный» народ в других, лучших условиях. Превосходные литераторы Федор Крюков и Николай Туроверов, талантливые историки Иосиф Быкадоров, Сергей Сватиков, Петр Краснов, сотни деятелей культуры и экономики казацкого происхождения, блистательно проявивших себя в эмиграции в Старом и Новом Свете, убедительно продемонстрировали, что сословное «расказачивание» в конечном счете стало бы благом для казацкого народа, а не чудовищной трагедией. Государственный террор советского режима, принявший с самого первого дня формы демоцида и этноцида, не преследовал и не мог преследовать цели социального (сословного) расказачивания. Фактура и смысл разрушительных экономических и этнополитических событий, начавшихся на землях казачьих войск в 1918 году, не имеют никакого отношения к процессу сословного «расказачивания». Данный процесс был начат и фактически завершен Временным правительством еще до прихода большевиков к власти в октябре 1917 года.

Отчего же тогда определенная часть российских историков с таким, явно заслуживающим лучшего применения, упорством продолжает использовать термин «расказачивание», в числе прочего — и для характеристики тотального государственного террора советского режима? Этим термином подчас пытаются охватить самые разнообразные и никак не связанные с сословной сферой геноцидальные события, происходившие на казачьих землях на протяжении около двадцати послереволюционных лет.

Например, ростовский исследователь С. А. Кислицын охватывает термином «расказачивание» вообще весь процесс государственного террора советского режима против казаков, начиная от событий Гражданской войны и вплоть до этапа борьбы с «вредителями и саботажниками» в конце 1930-х годов. По мнению историка, «расказачивание» проводилось советской властью в четыре этапа. На начальном этапе, в коллизиях Гражданской войны — «способом репрессий на грани геноцида» — физически ликвидировались видные представители казацкого сословия. Затем, в 1919-1924 годах — осуществлялось ограничение казаков в правах (не только гражданских, но и имущественных). Следующий этап, с 1925 по 1929 год, историк определяет как «скрытое расказачивание» [16]. И наконец, период с 1929 по 1939 год характеризуется преследованием оппозиционно настроенных казаков методами раскулачивания и прямыми репрессиями против членов казачьих повстанческих организаций [17]. Экстраполяцию терми-

на «рассказывание» практически на весь период взаимоотношений Советского государства с уничтожаемым казачьим народом (т. е. на период, когда казаки еще имели возможность действовать как консолидированная этносоциальная общность) нельзя признать оправданной. Подобная экстраполяция — с точки зрения и методологии, и фактографии — выглядит, по нашему мнению, необудительно, тенденциозно.

Нарочитое смысловое расширение термина «рассказывание», когда *volens-nolens* затемняя его ясный, конкретный сословный (точнее — анти-сословный) смысл, этому определению пытаются придать полиморфный характер, в российской историографии применяется, увы, весьма часто. Историк Р. Г. Тикиджян убежден, например, что рассказывание «как процесс и государственная (квазигосударственная) политика» включало целый комплекс тенденций — от изменения политико-правового и территориально-административного статуса казачества до «умирания, исчезновения казачества не только как сословно-корпоративной группы населения, но и как этнокультурной общности». Нетрудно заметить, что такое, еще более масштабное, охватывающее практически всю историю пребывания казачества под юрисдикцией Российского государства (включая его советскую формацию), толкование термина «рассказывание» — точно так же, как и предыдущее, в значительной мере ретуширует проблематику антиказачьего этноцида и государственного террора, развязанного режимом РКП(б)-ВКП(б). Изучение процесса этнополитического уничтожения казаков советским режимом с использованием юридически четкого международно-правового инструментария подменяется в этом случае очередной версией «научеомких» рассуждений. Предлагается, в частности, подумать «о существенном или постепенном, опосредованном изменении экономического, этнокультурного (в том числе бытового) и религиозно-духовного статуса и состояния казаков» [18]. Очевидно, что с использованием такой весьма зыбкой методологии невозможно проводить объективную квалификацию геноцида казачьего населения административно-карательными службами советского режима.

Феномен широкого использования термина «рассказывание» в явно эвфемистских целях можно объяснить, на наш взгляд, не столько историографическими, сколько идеологическими мотивами.

Политика сознательного уничтожения народа казаков в период 1918-1933 годов является одним из самых антигуманных явлений в мировой истории, а с точки зрения международного права — безусловно преступным деянием, не имеющим для своего осуждения срока давности. Особо негативный оттенок, по крайней мере для исторического реноме России, — придает этому деянию очевидный факт, что на протяжении почти 20 лет государственный террор и этноцид казачьего населения

осуществляли преимущественно бойцы Красной армии и сотрудники ВЧК-ОГПУ-НКВД, которые по своему этническому происхождению не являлись казаками. Государственный террор против казаков, особенно на первоначальном этапе — до 1923 года, осуществлялся в интересах укрепления политического альянса режима РКП(б)-ВКП(б) с «иностранцами» переселенцами-неказаками, которые прибыли на земли войск в результате реформ Александра II, либо были целенаправленно переселены сюда советской властью. Именно фактор очевидности преступления этноцида заставляет, по-видимому, российских историографов настойчиво искать некий «примирающий» термин, который, с одной стороны, фиксировал бы аннигиляцию казаков как самобытного сообщества, а с другой — позволил бы не использовать при описании этого процесса такие необратимые (в международно-правовом контексте) термины, как «государственный террор», «этноцид» и «геноцид». Одним из таких «удобных» таксонов, с точки зрения официальной историко-идеологической доктрины современной России, и стал термин «расказачивание» — охватывающий, казалось бы, все аспекты советской антиказацкой политики и одновременно не артикулирующий ее преступные геноцидальные дискурсы.

Возможно также, что употребление термина «расказачивание» в широком хронологическом контексте 20-30-х годов XX века является некой данью устоявшейся историографической «традиции» — особенно в работах тех историков, которые верно расценивают смысл государственного террора советской власти против казаков [19]. Нет ни малейших сомнений, что когда-то эта «традиция» в российской историографии будет, наконец, упразднена. Коллективизация на территории бывших казацких войск, по мнению историка В. Е. Щетнева, не может быть охарактеризована как «расказачивание», поскольку к началу 1930-х годов казацкого сословия не существовало — казаки давно утратили свои сословные права и даже часть этнокультурных признаков в результате предшествующих действий советской власти. В. Е. Щетнев весьма точно подчеркивает, что коллективизацию можно расценить только как «добывание казачества», но отнюдь не как заключительный этап «расказачивания» [20].

Резюмируя вышеизложенное, вновь подчеркнем, что подлинное «расказачивание» завершилось до Октябрьского переворота 1917 года, когда в результате Февральской революции и упразднения монархии были ликвидированы все сословия и провозглашено равноправие всех граждан России перед законом. После законодательных актов Февраля никаких казаков как представителей военно-служилого сословия уже не было. Однако на территории России продолжил свое существование казацкий народ, и подавляющее большинство этнических казаков-славян Юго-Востока России самоидентифицировало себя в этническом

аспекте именно с этим народом. Соответственно, — и по методологии исторической науки, и по характеру конкретных преступных актов, и по этнополитическому результату этих преступлений, — политика государственного демоцида и этноцида, обрушенная советским режимом на казацкое население после 1918 года, должна квалифицироваться в терминах международной юрисдикции — как преступление геноцида, но не с помощью эвфемистского термина «рассказачивание».

Итак, завершая наши размышления, попытаемся сформулировать непротиворечивое, с этнополитической точки зрения, определение термина «рассказачивание».

«Рассказачивание» — это длительный процесс социальной трансформации казацкого сообщества России, в результате которого казаки вначале постепенно, а затем все более быстро стали освобождаться от бремени государственных повинностей, навязанных казацкому народу Российской империей в XVIII веке. Процесс рассказачивания, инициированный имперским правительством во второй половине XIX века в рамках политики «русификации» казаков, резко ускорился в связи с нарастанием революционной ситуации в России и завершился законодательной ликвидацией всех сословий (включая казацкое) бывшей Российской империи революционным Временным правительством. В результате рассказачивания были упразднены все существенные элементы функционирования казацкого сословия: фактически пожизненная военная служба, индивидуальный земельный пай (надел) за службу, снаряжение казака на военную службу за собственный счет, а также иные государственные льготы, преимущества и повинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зайцев Г. С. Научный проект сектора ИГИ ТюмГУ: Казачество Сибири от Ермака до наших дней (история, язык, культура) // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И. С. Карабулатовой, В. Н. Евсеева. — Тюмень: Печатник, 2009. — С. 68-71.
2. Актуальные проблемы современного казачества Сибири и Тюменского региона: материалы межрегион. круглого стола / под ред. И. С. Карабулатовой, В. Н. Евсеева. — Тюмень: Печатник, 2012. — С. 233.
3. См. подробнее: Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. — 1965. — Vol. 67. — P. 1219-1220.

4. См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 12: Область Войска Донского. — СПб., 1905.
5. См. подробнее: Ибятов Ф. М. О казачестве без пристрастий и мифов // Вопросы национализма. — 2012. — № 11 — С. 136-137.
6. Семенов Ю. И. Социально-исторические организмы, этносы, нации // Этнографическое обозрение. — 1996. — № 3. — С. 11; Рыбаков С. Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 5; Его же. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. — 2003. — № 3.
7. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. — М., 1926. — Т. 2, кн. 1. — С. 158.
8. Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. — Ростов н/Д, 2001; Ее же. Казаки и иногороднее население Терека: парадигмы развития (вторая половина XIX — начало XX в.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч.статей. Вып. 2. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. — С. 120-130.
9. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1: Гребенское войско. — Репр. изд. — Нальчик, 2001. — С. 214.
10. Законы о воинской повинности казачьих войск. — СПб., 1901.
11. Трут В. П. Дорогой славы и утрат: казачьи войска в период войн и революций. — М.: Яуза: Эксмо, 2007. — С. 41-42.
12. Афонин И. Еще один ответ. Шанхайцам — далеким и близким // Вольное казачество. — 1931. — № 84-85. — С. 25.
13. Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне 1917 г. (По материалам Южного Урала) // Вопросы аграрной политики Урала и Западной Сибири. — Курган: Изд-во КГПИ, 1971. — С. 458-459.
14. Лебедик Н. И. Кризис аграрной политики царизма в казачьих районах (на материалах Кубанского войска) // Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне: материалы Все-союз. науч. конф. — Черкесск: Изд-во Карачаево-Черкесского НИИ истории, филологии и экономики, 1984. — С. 164.
15. Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. — Оренбург: ДИМУР, 1998. — С. 59.
16. Кислицын С. А. О мифе «геноцида казачества» в историографии донского казачества // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всерос. науч. конф. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 96.
17. Донские казаки в прошлом и настоящем. — Ростов н/Д, 1998. — С. 22.

18. Тикиджьян Р. Г. Рассказачивание как понятие, процесс и государственная политика: актуальные проблемы изучения // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Вып. 3. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 220.
19. Трут В. П. Истребить поголовно. Как организовать рассказачивание // Родина. — 2004. — № 5. — С. 96.
20. Щетнев В. Е. Была ли сплошная коллективизация заключительным этапом рассказачивания? // Казачество России: история и современность: тезисы междунар. науч. конф., г. Геленджик, 8-11 октября 2002 г. — Краснодар, 2002. — С. 143.